

На правах рукописи

АКАТОВА Александра Александровна

**«Ландшафт культуры»: понятийный статус
и художественное воплощение
(на материале романа Джона Фаулза «Волхв»)**

Специальность 24 00.01 Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
культурологии

Киров – 2007

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А Некрасова»
на кафедре теории и истории культур

- Научный руководитель:** доктор культурологии, профессор
Едошина Ирина Анатольевна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Поляков Олег Юрьевич
- кандидат культурологии, доцент
Гмызина Эльвира Викторовна
- Ведущая организация:** Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Шуйский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 19 октября 2007 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041 02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора культурологии, доктора философских наук при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу 610002, г Киров, ул Красноармейская, д 26, ауд 104

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Автореферат разослан «18» сентября 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н И Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Слово «культура» стало использоваться применительно к жизнедеятельности человека только в XVII веке, но за три с половиной столетия оно успело обрести многочисленными научными и повседневными интерпретациями, теориями и смыслами. С одной стороны, человеческая культура вписана в природу, от нее зависит и с ней же борется за первенство. С другой стороны, культура является объектом постоянной рефлексии, и когда человек задается вопросом о свойствах и смыслах окружающей его обитаемой территории, а также своей деятельности, рождается чувство и понимание культуры. Таким образом, культура существует как во внешнем физическом, так и во внутреннем ментальном пространстве и времени личности.

В современной гуманитарной ситуации постмодернистское смещение эстетических, философских, антропологических концепций актуализирует не столько временные характеристики культуры (например, принадлежность к древней, античной, средневековой культуре), сколько пространственные. Соположенность и взаимосвязь культур, стилей, образов разных временных эпох, степень символического и семантического синтеза отодвинутых друг от друга во времени культурных традиций отражается в сознании современного человека, формируя специфическое пространство смыслов.

Исследование культуры в обозначенном ракурсе позволяет представить пространство-время как сумму смыслов, одной из форм которой является «ландшафт культуры», получающий в художественной рефлексии облик ментального культурного пространства.

В пространстве сознания творческой личности культура проявляется как семиотический континуум. В ментальном метафизическом пространстве-времени феномены культуры, символы, образы, ценности, нормы и т. д. получают личностную оценку, обретают новые смыслы, образуют контекст (рельеф) «ландшафта культуры» автора. Результат творческой деятельности (художественное произведение) необходимо рассматривать как семиотическое целое, смысловые элементы которого отражают уникальный «ландшафт культуры» автора.

Актуальность исследования концепта¹ «ландшафт культуры» определяется важностью для современной науки рассмотрения пространственных характеристик культуры и изучения семантики культурного пространства для отдельного человека или общества в целом.

---

¹ В понимании «концепта» в рамках данного исследования мы придерживаемся определения Г. Г. Шпета «мы не знаем вещи иначе, как через концепт, то ее самое мы не знаем, и назвать ее непосредственно не можем – мы называем лишь концепт». Любое понятие в своей концептивной форме заключает в себе имплицитное противоречие, так как является посредником между неким оригиналом (копией оригинала) и человеком (творцом концепта). Поэтому концепты – это «форма смысла, их образование – свободное-творческое в выборе средств оформления», «для творчества – не объекты, а его текущий состав, складывающийся в словесно-логический калейдоскоп по произвольному капризу ассоциаций и соизволению трансцендентальной апперцепции» (Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 2003. С. 99, 129, 132.)

Степень научной разработанности проблемы. Проблема «ландшафта культуры» в концептуальном понимании и в качестве способа культурологического анализа литературного произведения является междисциплинарной, основывается на инструментарии и знаниях целого ряда гуманитарных дисциплин: культурологии, философии, семиотики, эстетики, литературоведения, социальной географии и т. д.

Понятие «ландшафт» в рамках данного исследования становится объектом философской и культурологической рефлексии. Среди работ, в которых «ландшафт» и жизненное пространство представлены не в узко географическом понимании, а как пространство культурных смыслов, следует отметить работы Д. Н. Замятина, В. Л. Каганского, А. С. Кармина, Ю. М. Лотмана, В. А. Подороги, С. А. Смирнова и др.

Понимание культуры в аспекте пространства нашло отражение в работах А. В. Бабаевой, А. Г. Букина, И. А. Едошиной, Е. Ю. Колбовского, М. Ктони, Д. С. Лихачева, А. В. Михайлова, В. П. Руднева, В. А. Тишкова, У. Эко и др. Для исследования культуры как семиотической системы особенно важны работы, в которых культурное пространство рассматривается во взаимосвязи с языком: об этом писали М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, Д. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, Ю. М. Лотман.

Психологическое переживание человеком пространства культуры отражено в работах о жизненном пространстве К. Левина, о двойных ландшафтах сознания Дж. Фридмана и Дж. Комбса, о виртуальном эйкосе А. А. Калмыкова. Творческий процесс как результат осмысления культурно-исторического наследия прошлого и личной рефлексии на предмет культуры обосновывается Р. Бартом, М. М. Бахтиным, Г. Зедльмайером, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотманом, А. В. Михайловым, М. Хайдеггером.

При исследовании текстообразующей функции смыслов в произведениях Дж. Фаулза особую актуальность приобрели постмодернистские концепции философии и культуры (Л. Андреев, И. П. Ильин, Ю. Кристева, Н. А. Кузьмина, Ж.-Ф. Лиотар, А. М. Люксембург, М. Фуко, М. Н. Липовецкий и др.), герменевтическое учение о принципах толкования и интерпретации текстов культуры (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер).

Творчество Джона Фаулза достаточно изучено за рубежом, о чем свидетельствуют многочисленные монографические исследования²,

---

² Acheson, James John Fowles Palgrave Macmillan, 1998, Aubrey, James R. John Fowles A Reference Companion Greenwood Press, 1991, Fawcner, Harald William The Timescapes of John Fowles Rutherford, 1984, Huffaker, Robert John Fowles Twayne's English Authors Series Boston G K Hall, 1980, Loveday, Simon. The Romances of John Fowles London Macmillan Press Ltd, 1985, Onega, Susana. Form and Meaning in the Novels of John Fowles Ann Arbor, Mich UMI Research Press, 1989, Palmer, William, J. The Fiction of John Fowles Tradition, Art and the Loneliness of Selfhood Columbia University of Missouri Press, 1974, Salami, Mahmoud John Fowles' Fiction and the Poetics of Post-modernism Associated University Presses, 1992, Tarbox, Katherine The Art of John Fowles Athens and London University of Georgia Press, 1988, Warburton, Eileen. John Fowles a Life in Two Worlds Viking Penguin, 2004, Wolfe, Peter John Fowles Magus and Moralist Bucknell U P, 1981, et cet

статьи³, критические заметки в журналах и газетах, интервью с автором (К Барнум, Дж Бэйкер, Л Виану, Д. Випонд, Дж Кэмпбелл и др.)

В отечественном литературоведении творчество Фаулза менее исследовано. Самые ранние работы появились только в 1986 году (В Фрейбергс Творческий путь Дж Фаулза, И Кабанова Тема художника и художественного творчества в английском романе 60–70-х гг.) Литературоведческую и культурологическую значимость представляют исследования Э Г Годованной, Е А Дайс, И Ю Кочешковой, М И Марчук, Д С. Папкиной, Н. А Смирновой, В Г Тимофеева, Е. М Циглер,⁴ статьи О Вайнштейн, Н Г Владимировой, А Долинина, Т. Красавченко, Т Ю Терновой, В Г Тимофеева, В В. Храповой и др., интервью Н И Бушмановой

Работы Р Биннса, С Лавдея, Г Фокнера, М И Марчук, Н А Смирновой частично затрагивают проблему необходимости пространственно-временного описания произведений Фаулза. В работах исследователей тексты Фаулза рассматриваются как метатекст или интертекст, что постулирует в большей степени литературоведческую, а не культурологическую направленность анализа. Пространство-время является лишь частью сюжетной организации повествования и тем самым лишается самостоятельного существования и семантики

Объектом исследования является концепт «ландшафт культуры» как культурологический феномен, отражающий авторское художественное самосознание

---

³ Butler, Lance St John John Fowles and the Fiction of Freedom // The British and Irish Novel since 1960 / Ed By James Acheson Macmillan, 1991 P 62–77, Binns, Ronald A New Version of The Magus // Critical Essays on John Fowles / Ed Ellen Pifer Boston G K Hall, 1986 P 100–105, Binns, Ronald John Fowles Radical Romancer // Critical Essays on John Fowles / Ed Ellen Pifer Boston G K Hall, 1986 P 19–37, Lorenz, Paul H Heraclitus against the barbarians John Fowles's «The Magus» // Twentieth Century Literature Spring 1996 Vol 42 №1 P 69–87, Newman, Robert D «An Anagram Made Flesh» The Transformation of Nicholas Urfe in Fowles' The Magus // Notes on Contemporary Literature 1982 Vol 12 №4 P 9, Rubenstein, Roberta Myth, Mystery, and Irony John Fowles's The Magus // Contemporary Literature Summer 1975 Vol 16 №3 P 328–339, et cet

⁴ Годованная Э Г Философско-эстетические доминанты русского и европейского постмодернизма и творчество Джона Фаулза Дис канд филол наук Краснодар, 2004, Дайс Е А Малая традиция европейской культуры в творчестве Джона Фаулза Дис канд культурологии М, 2006, Кочешкова И Ю Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж Фаулза Дис канд филол наук Барнаул, 2004, Марчук М И Художественный текст как универсум культуры «Пушкинский дом» А Битова, «Волхв» Дж Фаулза Дис канд культурологических наук Ярославль, 2003, Папкина Д С Шекспировские аллюзии в прозе Джона Фаулза Дис канд филол наук Великий Новгород, 2004, Смирнова Н А Джон Фаулз текст, интертекст, метатекст Уч пос по курсу «Английская литература XX века» Часть I Нальчик / Каб-Банк ун-т, 1999, Смирнова Н А Тезаурус Джона Фаулза Нальчик Полиграфсервис и Т, 2000, Смирнова Н А Эволюция метатекста английского романтизма Байрон – Уальд – Гарди – Фаулз Дис д-ра филол наук Нальчик, 2001, Тимофеев В Г Уроки Джона Фаулза С – Петербург, 2003, Циглер Е М Литературные заимствования в постмодернистской прозе Великобритании (Дж Фаулз, Э Берджесс, А Картер, А С Байатт) Автореф дис канд филол наук Минск, 1999

Предмет исследования формы и способы репрезентации «ландшафта культуры» в романе Джона Фаулза «Волхв»⁵.

Цель исследования: дать теоретическое обоснование концепта «ландшафт культуры» в культурологическом аспекте и представить способы его воплощения в романе «Волхв» Дж Фаулза

Постановка цели обуславливает решение ряда задач

- представить концепт «ландшафт культуры» как авторскую форму репрезентации семиотического пространственно-временного континуума,
- дифференцировать вариативные основания «ландшафта культуры» по количественным и качественным критериям его построения и наполнения,
- обозначить структурно-функциональные характеристики семиотического пространства «ландшафта культуры» как системы смыслов;
- раскрыть сущность «ландшафта культуры» как формы отражения авторского художественного сознания,
- выявить способы организации авторского «ландшафта культуры» в романе Фаулза «Волхв»,
- показать особенности семиотического пространства «ландшафта культуры» романа «Волхв»,
- обосновать функциональную значимость построения «ландшафта культуры» романа в виде лабиринта,
- выявить значимые для становления Я-сознания героев и читателей особенности «ландшафта культуры» автора

Методология исследования подчинена цели и задачам работы. Так, исследование концепта «ландшафт культуры» опирается, прежде всего, на феноменологические теории описания явлений культуры, которые позволяют получить максимально объективное описание «ландшафта культуры», придав ему понятийный статус. Феноменологическое описание сочеталось с использованием структурно-функционального метода и сравнительно-типологического анализа

Использование культурно-исторического метода было обосновано герменевтическими и семиотическими теориями толкования текстов культуры (работы В. Библера, Г. Гадамера, Ю. Лотмана, У. Эко и др.), произведений литературы (работы Р. Барта, М. Бахтина, Ю. Караулова, М. Риффаттера и др.), культурных феноменов (работы Г. Зедльмайера, В. Каганского, А. Михайлова, В. Подороги и др.) Для нашего исследования было важно то, что герменевтические и семиотические концепции дают возможность рассматривать культуру как пространство смыслов, объединенных в знаковую систему, в которой творчество становится не только созданием, но и пересозданием культурных артефактов

---

⁵ В оригинале – «The Magus». В данном диссертационном исследовании при обращении к тексту романа используется вариант перевода названия «Волхв». Возможные варианты интерпретации английского названия раскрываются в главе II настоящего исследования

Был проведен культурологический анализ романа Дж Фаулза «Волхв», сборника эссе «Кротовые норы» и философского трактата «Аристос», что позволило выделить доминантные мотивы, образы и смыслы исследуемых произведений. Частные методы исследования опирались на принципы герменевтической интерпретации: литературоведческий и контекстуально-интерпретационный анализ, сочетание структуралистского подхода к анализу текста и приема установления интертекстуальных связей. Также использовались биографический и психологический методы для выявления психических особенностей личности, индивидуальных качеств, бессознательных приоритетов.

Теоретическая новизна исследования:

1 Впервые «ландшафт культуры» получает статус не метафоры, а культурологического концепта, опосредованного сознанием и психикой личности, обладающего собственными структурно-функциональными характеристиками, способами сохранения и воспроизведения информации.

2 Предлагается новый способ культурологической интерпретации литературных текстов и познания пространства культуры через реконструкцию «ландшафта культуры» автора.

3 В контексте «ландшафта культуры» художественное произведение рассматривается как семиотическое пространство, интериоризирующее этико-эстетические, философские, творческие и личностные установки автора.

4 В результате исследования романа Джона Фаулза «Волхв» выделяются доминантные культурологические парадигмы не только в «ландшафте культуры» романа, но и в авторском «ландшафте культуры».

5. Выявлена композиционная специфика «ландшафта культуры» романа «Волхв» Дж. Фаулза, которая обусловлена культурологическими и философскими установками автора.

6 Многочисленные историко-культурные реалии в романе Фаулза вписаны нами в «ландшафт культуры» писателя, рассмотрены в системе контекстных связей.

Научно-практическая значимость исследования. Данное исследование придает понятийный статус культурологическому концепту «ландшафт культуры» и рассматривает пространство культуры как ментальное, рефлексированное человеком пространство смыслов. Материал исследования может быть использован при разработке теоретических и практических учебных курсов по проблемам литературы и культуры конца XX – начала XXI веков, по теории интерпретации текста. На основе предложенных принципов практического анализа художественных текстов Дж Фаулза возможны аналогичные исследования творчества других деятелей современной зарубежной и отечественной культуры в аспекте выявления метатекстуальных и интертекстуальных связей, способов организации художественного пространства. Результаты работы могут быть востребованы в дальнейших исследованиях, в составлении комментариев к изданиям произведений Дж Фаулза.

Положения, выносимые на защиту:

- «ландшафт культуры» подразумевает отражение культуры в ментальном пространстве-времени человека и этим качественно отличается от «культурного ландшафта». Культурологический концепт «ландшафт культуры» рассматривает сознание творческой личности как находящееся в непрерывном движении по пространству смыслов,

- «ландшафт культуры» – это метафизическое ментальное пространство, создаваемое творческой личностью, насыщенное значимыми для конкретной общности или личности элементами (символами, образами, артефактами, ценностями, нормами и т.д.), в пределах которого культура проявляется как семиотический континуум «Ландшафт культуры» является одной из форм репрезентации художественного сознания творческой личности, в пространстве которого элементы располагаются в соответствии с их ценностной значимостью для личности, образуют единый контекст,

- «ландшафт культуры» может быть типологизирован по количественному критерию (индивидуальный, «ландшафт культуры» народа, этноса, нации, универсальный «ландшафт культуры»), по временному критерию («ландшафт культуры» личности «здесь и сейчас», «ландшафт культуры» эпохи, цивилизации, прошлого и будущего и т.д.), по качественным основаниям (исторический, теологический, творческий и т.д.)

- «ландшафт культуры» существует в ментальном измерении, и его хронотоп обладает отличительными особенностями: пространственные характеристики меняются в процессе масштабирования (происходит фокальное или перспективное рассмотрение элементов), а временное измерение сжимается до «здесь и сейчас» настоящего личности «Ландшафт культуры» характеризуется контекстуальным соположением элементов и функционирует как механизм памяти культуры,

- художественное произведение обладает особым семиотическим пространством («ландшафтом культуры»), структура и функции которого обусловлены культурно-философским мировоззрением автора,

- в романе Дж. Фаулза «Волхв» «ландшафт культуры» обретает форму лабиринта, что обуславливает многоуровневое пространство, наличие переходов и знаков-ориентиров. Семиотическое пространство романа образовано многочисленными интер- и метатекстуальными связями,

- в «ландшафте культуры» романа «Волхв» семиотическое пространство организовано системами двух языков: языка культуры (феномены культуры) и языка природы (природные образы и явления), благодаря чему достигается эффект синестезии восприятия. Знаковые элементы этих языков (визуальные, аудиальные, «ментальные») являются ориентирами и направляют ментальное и физическое передвижение героя в пространстве «ландшафта культуры»;

- лабиринтная организация «ландшафта культуры» «Волхва» позволяет отождествить путь героя (читателей) в лабиринте с обрядом инициации. Результатом пребывания в лабиринте «ландшафта культуры» для героя и читателей должно стать возвращение к самому себе, переоценка ценностей и своих поступков, новое понимание своей роли в жизни

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры теории и истории культуры Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова (2005–2007 гг.) Основные положения диссертационного исследования были представлены на международной научно-практической конференции «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, сентябрь 2005), международной научной конференции и XV съезде англистов «Английская литература в контексте мирового литературного процесса» (Рязань, сентябрь 2005), научной конференции «Малые жанры в русской и зарубежной литературе: вопросы теории и истории» (Иваново, ноябрь 2005), научно-практической конференции «Коммуникативные проблемы языка и культуры» (Кострома, ноябрь 2005), международной научно-практической конференции «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры» (Кострома, март 2006), областной научно-практической конференции «Народное искусство Костромского края как феномен локальной культуры» (Кострома, апрель 2006), тридцатой юбилейной Зональной конференции, посвящённой столетию со дня рождения В. А. Бочкарева «Вторые Бочкаревские чтения» (Самара, апрель 2006), международной научной конференции и XVI съезде англистов «Литература Великобритании и романский мир» (Великий Новгород, сентябрь 2006), всероссийской заочной научно-практической конференции «Язык Культуры Коммуникация» (Ульяновск, март 2007), международной научно-теоретической конференции «Теоретические и методологические проблемы современного литературоведения и фольклористики» (Алматы, май 2007)

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых содержит 4 параграфа, заключения и библиографического списка литературы, включающего 308 наименований работ зарубежных и отечественных авторов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, рассмотрена степень разработанности проблемы, определены объект и предмет исследования, формулируются гипотеза, цель и задачи, представлены основные методологические принципы работы, показана теоретическая новизна и научно-практическая значимость, содержатся сведения об апробации работы и ее структуре

Глава I. Концепт «ландшафт культуры»: границы смыслов

В первой главе исследуется понятийный статус концепта «ландшафт культуры» даются его определение и структурно-функциональные характеристики, приводится типология, анализируются принципы и способы содержательного наполнения пространства «ландшафта культуры», обосновывается значимость данного концепта для творческого процесса.

В первом параграфе – «**Культурный ландшафт**» и «**ландшафт культуры**»: к проблеме дифференциации – рассматриваются различные подходы к исследованию концепта «ландшафт». В современной гуманитарной ситуации «культурный ландшафт» теряет свою принадлежность только к физико-географическим характеристикам, наполняя пространство семантико-аксиологическим содержанием, что преобразует физическое пространство в пространство Я-сознания автора.

Проведенный этимологический и лингво-компаративный анализ морфем «land» и «schaft», составляющих лексему «ландшафт», позволяет разделить семантические фреймы концептов «культурный ландшафт» и «ландшафт. культуры» «Культурный ландшафт» является принадлежностью географических наук, подчеркивает возможность эмпирического переживания ландшафта. Чувственное переживание ландшафта максимально объективировано и не связано с интеллектуальным или духовным уровнем развития личности.

В результате проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что концепт «ландшафт культуры» формирует значение пространственных доминант, фиксируя идею текучести и изменчивости структур и форм культуры. Описывая культуру посредством концепта «ландшафт культуры», мы делаем акцент на ментальном переживании и чувствовании культурного пространства. «Ландшафт культуры» является субъективным продуктом деятельности сознания человека. Это метафизическое ментальное пространство, творимое автором, насыщенное значимыми для конкретной общности или личности феноменами, в пределах которых культура проявляется как семиотический континуум. Именно рефлексия окружающего пространства создает непредметный мир образов, символов, смыслов. Можно утверждать, что «ландшафт культуры» – это «ландшафт» мысли. Сознание человека пребывает не в физическом пространстве предметов и явлений, а в ментальном пространстве «ландшафта культуры», которое может быть вербализовано и «овеществлено».

Взаимосвязь «культурного ландшафта» и «ландшафта культуры» прослеживается в творческих установках группы «Синий всадник», в работах Питера Брейгеля, в садово-парковом искусстве, в концепциях Лэнд-Арта, А. Гауди и Ф. Хундертвассера. Пребывание в «ландшафте» постепенно переходит из физического измерения в ментальное. Природный ландшафт выступает прообразом «ландшафта культуры», порождает смыслы, образы, ассоциации, которые, в свою очередь, стимулируют творческую деятельность.

Второй параграф – Структура и коды «ландшафта культуры» – посвящен исследованию способов и принципов наполнения пространства «ландшафта культуры». Обладая интегративным механизмом, «ландшафт культуры» не обращается в «свалку» смыслов, образов, объектов, символов, так как обладает своим механизмом структурирования, хранения и воспроизведения информации. Он интериоризирует различные культурные формы, но в ментальном пространстве знания, ценности, нормы преобразуются личностью в зависимости от их практической, теоретической или эмоциональной важности в ситуации ментальной рефлексии. Определение культуры как «семиотической памяти коллектива» (термин Ю. М. Лотмана) ставит вопрос о системе правил, по которым жизненный и культурный опыт человечества претворяется в культуру и сохраняется в «ландшафте культуры». В сознании человека семиотическое пространство «ландшафта культуры» отражает и интерпретирует все пространство культуры, придавая ее феноменам иные смыслы. Значимую роль в этом процессе играют коды и контексты.

В «ландшафте культуры» код должен выполнять две функции: обеспечивать возможность внесения феномена в текст «ландшафта» и обеспечивать возможность обращения к элементу «ландшафта» личности, читателя. Кодирование в «ландшафте культуры» есть перевод отдельных феноменов в текст при сохранении ясно очерченного авторского начала. Текст в «ландшафте культуры» – это совокупность культурных кодов, в соответствии с которыми организуется знаковое многообразие культуры. Благодаря личностному пониманию хронотопа элементы «ландшафта культуры» обретают в мыслительном процессе единый контекст. Расположение того или иного элемента в ментальном пространстве определяется его ценностной значимостью для автора. Распределение элементов всегда происходит в «здесь и сейчас» личности, поэтому семантические связи внутри пространства «ландшафта культуры» отличаются подвижностью, порождая адекватные изменения в его контексте.

В «ландшафте культуры» новые элементы претерпевают столкновение с уже сложившимися на данный момент мировоззрением, чувствами и эмоциями личности. Любой «ландшафт культуры» индивидуален, потому что творится в сознании личности. «Я» строится и структурируется заново, каждый раз погружаясь в «ландшафт» под воздействием памяти о прошлом, которая влияет на индивидуальное ментальное пространство. В зависимости от объема инвариантной (свойственной многим людям) части концепт «ландшафт культуры» может быть расширен до «ландшафта культуры» нации, этноса, или универсального «ландшафта культуры». По временному критерию «ландшафт культуры» может быть подразделен на «ландшафт культуры» личности «здесь и сейчас», «ландшафт культуры» эпохи, цивилизации, прошлого и будущего и т. д. В зависимости от направления исследования того или иного «ландшафта» можно говорить об историческом, теологическом, героическом, интеллектуальном, творческом «ландшафтах культуры».

Третий параграф – **Семиотическое пространство «ландшафта культуры»** – представляет «ландшафт культуры» как систему «Ландшафт культуры» является структурированным пространством, обладающим своим механизмом кодировки (текстуализации) Подвижная природа «ландшафта культуры» органично включает возможность масштабирования и фокального рассмотрения вводимых (или уже имеющихся) элементов «Ландшафт культуры» – это своеобразный постоянно видоизменяющийся контекст, в котором элементы в зависимости от ракурса рассмотрения наделяются новыми смыслами и функциями, образуют новые контекстные связи. Кумулятивная функция (механизм памяти) исследуемого концепта заключается в том, что невостребованные сознанием личности элементы не исчезают, а переходят на его периферию Границы в «ландшафте культуры» существуют только между фокальными областями, и изменение границы – это изменение масштаба видения культуры в целом

Если в процессе масштабирования пространственные параметры «ландшафта культуры» постоянно изменяются, то хронологические характеристики его элементов остаются относительно неизменными Время в «ландшафте культуры» сжато до «здесь и сейчас», хронологическая отнесенность элементов к прошлому или будущему нивелируется рефлексией автора в настоящем «Ландшафт» конституируется из смыслов, историко-культурных хронотопов самих элементов, которые переживаются автором в психологическом времени Хронотоп «ландшафта культуры» постоянно расширяется или сужается за счет хронотопов составляющих его элементов, так как смысл и символика элементов актуализируются при обращении к ним, а также при установлении логико-семантических связей между элементами

Контекстуальность «ландшафта культуры» проявляется в многообразии смыслов и межэлементных связей В результате авторской рефлексии элементы организуются в ментальном пространстве в соответствии с их значимостью для настоящего момента. Приоритетными для Я-сознание автора становятся семантико-функциональные, а не хронологические характеристики элементов

В четвертом параграфе – «Ландшафт культуры» как творческий ресурс художественного сознания автора – исследуется связь творческого процесса и ментального семиотического пространства личности Личность выстраивает «ландшафт культуры» не только рефлексивно, но и деятельно. Оставляя за собой роль автора, человек автоматически наделяет результат своей деятельности индивидуальными чертами, уникальными, выделяющимися авторскую интенцию.

Творчество Дж Фаулза, несмотря на хронологическую принадлежность к постмодернизму, полностью опровергает теорию Р Барта о смерти автора. С одной стороны, фаулзовский «текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников», и тем самым становится своеобразным знаковым пространством. С другой стороны, его произведения передают

«страсти, настроения, чувства или впечатления» самого автора Автор-творец не пересказывает тексты культуры, а дает им новую интерпретацию, новую жизнь в новом хронотопе, обогащая их своим мировидением, помещая их в новые контексты, придавая новые смыслы. Авторский «ландшафт культуры» становится способом мышления в постмодернистском мире, где принцип плюрализма пропагандирует абсолютную относительность и множественность смыслов, приемов, стилей, оценок, где «сакральное» появляется рядом с «профанным» и т. д.

Рассуждение об авторстве вызывает два противоречия между сознательным и бессознательным и между личным и внеличным в творческом процессе. Свобода выбора автора начинается в «ландшафте культуры», где артефакты культуры, символы, образы, доминантные для данной личности, отбираются в результате свободного волеизъявления. Своеобразная архитекtonика художественного произведения проявляется в столкновении сознательного и бессознательного чувствования «ландшафта культуры». Сознательно выбранные форма, мотивы, стиль, сюжет могут определяться темами и замыслами, продиктованными бессознательными образами и переживаниями. Следовательно, именно конфликт сознательного (интеллектуального, когнитивного) рационального знания с бессознательным (эмоционально-чувственным) личностным переживанием различных элементов «ландшафта культуры» становится источником творчества, побуждает к выражению собственного мироощущения в искусстве.

В творческой деятельности человека «ландшафт культуры» выступает как хранилище культурной информации, к которому человек обращается при создании новых культурных артефактов, переосмысляя опыт прошлого в контексте настоящего времени, момента, задачи. В соответствии с теорией «чужого слова» М. М. Бахтина и принципом «дополнительности» Ю. М. Лотмана, концепцией интертекста Ю. Кристевой художественное произведение несет в себе творческое начало автора как движущую силу, зарождающуюся между рациональным и чувственным, настоящим личностным и прошлым культуры. Художественное произведение отражает авторский «ландшафт культуры», пространство художественного произведения опосредовано мировоззрением и философско-культурологическими взглядами автора.

Глава II. «Ландшафт культуры» автора и формы его существования в романе Джона Фаулза «Волхв» («The Magus»)

Во второй главе определяются семантико-функциональные особенности организации повествования в романе Дж. Фаулза «Волхв», наполнение семиотического пространства «ландшафта культуры» знаковыми элементами, его связь со становлением Я-сознания личности.

Первый параграф – Способы организации пространства авторского «ландшафта культуры» – выявляет пространственно-временные характеристики авторского «ландшафта культуры» в романе Фаулза «Волхв».

Любое литературное произведение Фаулз воспринимает как определенный вид ландшафта «Landscape» – особое слово в тезаурусе писателя Придуманый (искусственный) мир художественного произведения вызывает неизбежно ассоциации с природным, естественным ландшафтом, обладает «природной», «ландшафтной» образностью. По аналогии пространство художественного произведения обретает физическое очертание ментального авторского «ландшафта культуры».

Первый пространственный уровень в повествовании – события, происходящие в реальном времени. Второй уровень пространственной организации в повествовании складывается из новелл Мориса Кончиса, многочисленных писем, газетных вырезок, цитат из стихотворных произведений, аллюзий на произведения искусства, намеренно разрушающих фабулу, придавая ей дискурсивный характер. Третий пространственный уровень маркирован магическим театром Фаулза-Кончиса, который организуется за счет совмещения первых двух.

Повествование в романе имеет игровую организацию. Взаимоотношения между автором, текстом и читателем проявляются в структуре, внутренней организации, ориентации на читательское самобытное восприятие. Прослеживаются такие черты, как дефабулизация, использование сюжетных вкраплений, организация повествования по принципу «китайской коробки» (имеющей несколько смысловых уровней), принцип «гербовой композиции». Многослойность повествования дает все основания отождествлять пространство «ландшафта культуры» романа с лабиринтом, что предполагает многоуровневую структуру и наличие переходов и знаков-ориентиров.

Лабиринт «ландшафта культуры» «Волхва» имеет структуру «китайской коробки», т. е. он замкнут на самом себе, и многочисленные интер- и метатекстуальные связи образуют внутреннее пространство. Этимология лексемы «лабиринт» и связь с прообразом – Кносским лабиринтом, построенным Дедалом, позволяет сематически сблизить прохождение лабиринта и нахождение верного пути с процессом ученичества или – шире – инициации. Тогда можно утверждать, что лабиринт «ландшафта культуры» в романе «Волхв» не имеет пространственного центра. Обучаясь и познавая новое, герои романа, а вместе с ними и читатели преодолевают препятствия ментально, чувственно, и в данном контексте сам процесс движения (читай – учения) приобретает первостепенное значение.

Многочисленные культурологические, мифологические, философские, литературные, музыкальные и живописные аллюзии вписаны в выверенную индивидуальную структуру произведения. Данные детали выполняют роль «дорожных указателей», направляющих перемещение мысли по всему пространству романа. Они являются знаками, строящими семиотическое пространство. Структура «ландшафта культуры» в виде лабиринта позволяет расширить границы реального времени до исторического и психологического. Фаулзовская игра чаще всего становится игрой со временем – в «ландшафте культуры» все элементы существуют «в здесь и сейчас» семиотического

пространства, в котором стираются границы между эпохами, людьми и идеями, всё превращая в настоящее автора, в систему знаков и ориентиров

Во втором параграфе – Система знаковых ориентиров в «ландшафте культуры» автора – исследуются семиотические характеристики пространства «ландшафта культуры» Процесс инициации героя и передвижение в лабиринте «Волхва» становятся возможными благодаря нескольким языкам «ландшафта культуры», которые организуют семиотическое пространство Являясь системой знаков и символов, язык «ландшафта культуры» объединяет в общий текст (контекст) многочисленные интертекстуальные и метатекстуальные включения, лейтмотивные элементы, знаковые компоненты и др. В «ландшафте культуры» Фаулза основным языком общения с героем становится язык культуры, который складывается из системы знаков (знаковых единиц повествования) Эти знаки, с одной стороны, выступают в роли ориентиров в пространстве (знаки-признаки) и, с другой стороны, несут в себе добавочный смысл (знаки-символы). Чувственное восприятие любого знака предполагает эмпирическую перцепцию Ментальная перцепция в «ландшафте культуры» связана, прежде всего, с «аллюзивными» знаками, не имеющими в романе реально существующего физического прототипа. Слой ментальных знаков в этом контексте наиболее объемный, далее по количественному основанию следует слой визуальных, аудиальных знаков и т. д.

Определенным слоем ментальных знаков в «ландшафте культуры» являются «говорящие» имена (Maurice Conchis, Alison, Nicholas Urfe, Lily and Rose), понимание смысла которых может не только раскрыть характер героя, но и указать на отведенную ему или ей роль в лабиринте романа. Использование языков (французский, немецкий, греческий) в определенных контекстах также составляет существенную часть системы ментальных знаков При этом в культурном пространстве «Волхва» французский язык всегда связан с искусством или – шире – с эмоционально-чувственной стороной человеческой жизни. Языком, ассоциируемым с войной, жестокостью и насилием, является немецкий Греческий язык в «ландшафте культуры» служит двум целям с одной стороны, он передает атмосферу греческого острова, создает эффект реальности повседневной жизни, с другой стороны, греческий язык является носителем идеи свободы и истинности бытия. Проявляется эффект «китайской коробки», и лабиринт «ландшафта культуры» приобретает своеобразную пространственную цикличность он выстроен так, чтобы постоянно соединять события прошлого и будущего, находить параллели между самыми незначительными деталями, именами, и ситуациями Все события, реплики, ощущения героев повторяются в «нужное» время на новом витке лабиринта

Особой семиотической системой «ландшафта культуры» «Волхва» является язык природы, который формирует дополнительный уровень лабиринта, постоянно взаимодействуя с языком культуры В отличие от языка культуры, язык природы состоит из знаков, которые можно познать только эмпирически, и ментальные знаки отсутствуют Явления природы, животные

и птицы в «ландшафте культуры» «Волхва» обладают семантикой, соотносимой с семантикой феноменов культуры. То или иное событие, чувство и эмоция, передаваемые в «ландшафте культуры» на языке культуры, часто «подкрепляются» определенным знаком из мира природы. Синтез языков культуры и природы позволяет достичь эффекта синестезии восприятия, когда задействуется не только сознание человека, но и слух и зрение.

В третьем параграфе – Семантика пути в лабиринте «ландшафта культуры» автора – путь героя в лабиринте «ландшафта культуры» соотносим с обрядом инициации. Процесс инициации происходит во время движения героя по лабиринту «ландшафта культуры», который помещается автором на острове, что позволяет достичь эффекта замкнутого пространства, подтолкнуть героя к переоценке собственного «Я». Для героя и читателей путь в лабиринте «Волхва» начинается с открытия собственного «немо» (в философии Фаулза – чувство собственной никчемности, бесполезности, неаутентичности жизни и мыслей). Повторяющиеся лексемы «maze» и «labyrinth» постоянно напоминают героям и читателям, что действие происходит в пространстве лабиринта. Энергичной силой в лабиринте становится состояние «потерянности», «блуждания», что реализуется в словоформах «lost» и «loss».

Знаками-ориентирами, направляющими движение внутри лабиринта, становятся следующие интертекстуальные параллели: миф об Ариадне, Дедале и Тесее, Одиссея, миф об Орфее и Эвридике, миф об Эдипе, поэма Т. Элиота «Литтл Гиддинг», сказки Л. Кэрролла, стихотворение «Паучок и муха» М. Хауитт. Семантика пути в лабиринте «Волхва» расширяется отсылкой к мифологеме Горы (процессы восхождения и нисхождения), к повторяющемуся мотиву ожидания. Ожидание – это своеобразная остановка, миг поворота (point of fulcrum) в жизни каждого человека, когда необходимо просто принять реальность, смириться со своим «Я». Момент такого «ожидания» для героев – Николаса и Алисон – наступает в самом конце повествования, и реализуется в противопоставлении слов «fission» (деление) и «fusion» (слияние): прошлое и будущее для героев сливаются в одном мгновении настоящего, в котором уже нельзя изменить прошлое, а будущее еще неизвестно, необходимо просто принять настоящее.

Многочисленные знаки-«указатели» в тексте «Волхва» позволяют понять семантику пути в лабиринте «ландшафта культуры»: путешествующий не может ничего изменить, он есть ведомый некой силой тайны, неизвестности, и единственное, что может сделать герой, – это внимательно читать и интерпретировать знаки, попадающиеся на пути, устанавливать связи. Движение в лабиринте никогда не бывает к центру, оно есть только переход на новые уровни большей семантической сложности и семиотической насыщенности. Путешествие в «ландшафте культуры» обеспечивается разумом и сознанием, поэтому возвращение будет всегда возвращением к самому себе, предполагающим глубокое осмысление своего «Я» и этико-эстетических принципов бытия.

В четвертом параграфе – Становление Я-сознания в «ландшафте культуры» автора: лингвокультурологический аспект – представлен процесс инициации в лабиринте «ландшафта культуры» романа, в результате которого происходит становление самосознания личности. Для героя и читателей путешествие в лабиринте «Волхва» есть форма обучения, приобщения к знанию, на что указывает, прежде всего, противопоставление реальной школы в романе (школы имени Байрона) и театрализованной «школы» Мориса Кончиса и Фаулза. Метод обучения, «по Фаулзу», выражается в игре внешней формы и значений лексем «exregience» и «exregiment», когда одно связано со способностью человека чувствовать, переживать, испытывать эмоции и ощущения, а другое – с проведением научных опытов, получением конкретной информации, которую можно обработать и проанализировать. Отдаленное расположение лабиринта на острове, апеллирующее к мифологеме Острова и «Буре» Шекспира, позволяет включить особые способы воздействия на героя. Эвристические методы познания, испытание замкнутым пространством, имитация чувства утраты и желания достичь невозможного, вовлечение героя в театральное действие метатеатра, где герою предстоит выяснить отведенную ему роль и установить смысловые связи между событиями «Метафизический» театр в романе способствует своеобразному катарсису, очищению от стереотипов «Я» в поступках героев, когда человек теряет свою идентичность и становится одной из многочисленных масок в театре.

От понимания связей и аналогий между словами и действием, от умения читать «между строк» и замечать неоднозначность увиденного и услышанного зависит не только правильное исполнение своей роли, но и успешность «обучения» в школе Фаулза. Рассказы Кончиса, «случайно» оставленные книги с закладками в нужных местах, постоянные аллюзии на сюжеты и героев Шекспира, театральная сцена суда с выходом тринадцати масок, предметы интерьера виллы Бурани – все недвусмысленно указывает на то, что происходящее в «ландшафте культуры» Фаулза-Кончиса надо принимать не как психологический эксперимент над личностью, а как уникальную возможность познать себя через приобретения эстетико-философского опыта.

Образ учителя-проводника (Волшебника, Мага) в «ландшафте культуры» «Волхва» объединяет два юнгианских архетипа «мудрый старец» и «обманщик-трикстер». Несмотря на многочисленные намеки на присутствие в романе мистики и магии фаулзовский «Волхв» лишен мистического содержания. Кончис олицетворяет не мага и волшебника, а, скорее, талантливого художника и писателя, создающего художественный мир, полный символов и метафор. С точки зрения творческого процесса, Кончис – это всезнающий и всемогущий Автор, творец «санкционированной галлюцинации». Игра словоформами «metaphorism» и «mysticism» акцентирует неоднозначность происходящего в метатеатре Кончиса, выявляет сомнения и непонимание в душе героя. Одновременно, противопоставление магии искусству владения словом заставляет как героев, так и читателей не принимать «на веру», а

анализировать увиденное и услышанное (прочитанное), устанавливать смысловые связи между событиями в «ландшафте культуры» Фаулза

Результатом пребывания в лабиринте «ландшафта культуры» должно стать символическое возвращение к самому себе, переоценка ценностей и своих поступков, новое понимание своей роли не только в театре, но и в жизни. Таким образом, герой Фаулза проделывает путь не к центру лабиринта, а от «немо», неаутентичности мыслей и суждений, до «аристоса» (наилучший в данной ситуации), обладающего духовным, а не социальным, превосходством, осознающим внутреннюю свободу волеизъявления, но и ответственность за обладание знанием. Знаками, указывающими на становление «аристоса» в душе героя являются метафора суда и мотив улыбки.

В заключении подводятся итоги исследования, обосновывается значимость концепта «ландшафт культуры» для культурологического анализа художественных текстов, намечаются перспективы дальнейших исследований

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях автора:

Опубликовано в ведущих, рецензируемых научных изданиях ВАК РФ

1 Акатова, А. А. Игра в Бога (Игровой аспект прозы Дж. Фаулза) [Текст] / А. А. Акатова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Специальный выпуск № 4. – Кострома: Кос. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2004. – С. 35–38. (0,5 п.л.)

Другие публикации

2 Акатова, А. А. Интертекст Дж. Фаулза как проявление диалога культур [Текст] / А. А. Акатова // Диалог культур – культура диалога. материалы международной научно-практической конференции, 5–6 сентября 2005 г. в 2 ч. / отв. ред. Л. Н. Ваулина – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005 – Ч. 1 – С. 5–9 (0,3 п.л.)

3 Акатова, А. А. Искусство и литература как выражение авторской свободы (по Дж. Фаулзу) [Текст] / А. А. Акатова // Английская литература в контексте мирового литературного процесса. материалы докладов Международной научной конференции и XV съезда англистов, 19–22 сентября 2005 / отв. ред. В. Г. Решетов, Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина – Рязань, 2005 – С. 6–8 (0,2 п.л.)

4 Акатова, А. А. Структура «китайской коробки» как принцип организации интертекста Джона Фаулза [Текст] / А. А. Акатова // Малые жанры. Теория и история: сб. науч. ст. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – С. 271–277 (0,6 п.л.)

5 Акатова, А. А. Универсальные семантические фреймы в метатексте Дж. Фаулза [Текст] / А. А. Акатова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М. ООО «Издательство “Эллис”», 2006. – С. 165–168 (0,35 п.л.)

6. Акатова, А. А. Мифологические образы античной культуры в метатексте Дж. Фаулза [Текст] / А. А. Акатова // Литература Великобритании и романский мир материалы докладов Международной научной конференции и XVI съезда англистов 19–22 сентября 2006 года / НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2006. – С 54–59. (0,3 п.л.)

7. Акатова, А. А. Идиостиль Дж. Фаулза как система автопрецедентов [Текст] / А. А. Акатова // Коммуникативные проблемы языка и культуры материалы научно-практической конференции, Кострома, 25 ноября 2005 года / сост. М. М. Каплина – Кострома КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006 – С 22–24 (0,3 п.л.)

8. Акатова, А. А. Текст в «ландшафте культуры» [Текст] / А. А. Акатова // Язык Культура Коммуникация. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Ульяновск, март 2007 г. / отв. ред. проф. С. А. Борисова. – Ульяновск, 2007 – С 213–216 (0,3 п.л.)

Подписано в печать 15 08 2007 г
Формат 64x80/16
Бумага офсетная
Усл печ л 1,2
Тираж 100 экз
Заказ № 772

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г Киров, ул Ленина, 111, т (8332) 673674